

Люблю любить и ненавижу ненавидеть

Александр КЛЕВИЦКИЙ пишет музыку для документального кино, для телевидения, сцены, эстрады, и не счесть звезд, которым его произведения пришли по душе (среди них Иосиф Кобзон, Зураб Соткилава, Лев Лещенко, Тамара Гвердцители). Он выступал продюсером начинающих Анны Резниковой, Кати Семенов и Ольги Кормухиной. Был замечен на педагогическом поприще. Стоял у истоков телевизионных конкурсов "Лестница в небо", "Утренняя звезда", "Ступень к Парнасу". Создал оркестр "Все звезды", которому дали высокую оценку такие мэтры, как Александра Пахмутова и Юрий Савульский. Как немногие, часто пишет для детей (достаточно вспомнить саундтрек большинства "Ералашей"). Кроме того, его нередко можно увидеть в жюри международных конкурсов и в Союзе композиторов, одна из комиссий которого — электронно-акустической музыки — была когда-то организована его усилиями, а другая, песенная, сегодня не мыслит своей деятельности без его горячего участия.

— Александр Леонидович, выделяете ли вы из всего этого что-то как главное?

— Никогда не задавался этим вопросом. Просто всегда знал, что рожден музыкантом. У меня есть детская фотография, где я стою нарядный и с бантиком. Глядя на нее, даже незнакомые люди говорили: "Ну просто дирижер". Эта фраза, врезавшаяся мне в память, стала чем-то вроде камертона, настраивавшего все в моей жизни на соответствующий лад. Тем не менее музыкой я начал заниматься достаточно поздно. Музыкальное образование даже в советские времена что-то стоило, а родители мои были люди интеллигентные, но бедные. Мне было уже десять, когда в судакоскую капеллу (которой позже руководила Нинель Камбург) набирали одаренных мальчиков, и я оказался в их числе. Поэтому я ответил бы на ваш вопрос так: главное для меня — музыка. А она, как и жизнь, очень разнообразна. Люблю все, чем занимаюсь. Но если выделять основное, то для меня это все-таки сочинение.

— В таком случае вам и вопрос "композиторский": Музыка зашла в тупик, она давно представляет собой набор ритмических формул, много раз использованных" — сказал несколько лет назад один ваш знаменитый коллега. Согласны?

— Категорически нет. Ничто не зашло в тупик и зайти не может. Приведу аналогию со спортом: периодически кто-то ставит мировой рекорд и периодически кто-то его побивает, хотя всякий раз кажется, что достигнуть большего уже невозможно. Созданное человечеством не умирает, а трансформируется в нечто другое. Вспомните: была виола да гамба — стала виолончель. Или возьмите такую фигуру, как Эндрю Ллойд Уэббер. Соединив несколько жанров и стилей он, можно сказать, избрал велосипед. Одни дают негативную оценку — эклектика; а другие называют то же полистилистикой, и все становится на свои места. Я считаю, что будущее за этим. А можно, как мой кумир Петр Ильич Чайковский, — не создавая новых направлений и не открывая новых законов, писать гениальную музыку. Потому что стили, жанры, формы — только инструменты, главное — музыкальные идеи, а они бесконечны.

— В вашем досье фигурирует такой солидный академический фестиваль, как "Московская осень". Произведения какого рода вы представляете на нем?

— В основном песни. На последнем фестивале это был детский цикл на стихи Илья Резника. С самого начала я мыслил себя композитором-песенником. И мне повезло: мои песни обрели известность, помогали артистам побеждать на международных кон-

курсах, я сам становился лауреатом "Песни года". Но с годами во мне все больше просыпался интерес к так называемому "третьему направлению". Оно мне близко, во-первых, потому что соединяет в себе академический и популярный жанры, а я всегда считал их разделение противостоительным. Во-вторых, "третье направление" позволяет экспериментировать с оркестром. А я это очень люблю, хотя по образованию дирижер-хоровик. Но знаете поговорку "Хочешь выучить предмет, начни его преподавать"? Я пошел в Гнесинское училище и начал вести курс аранжировки на эстрадном отделении. Вникнув в предмет, создал необычный оркестр, о котором давно мечтал. Второго такого по составу, наверное, и не встретишь. В маленьком коллективе из двадцати человек я составил группы как симфонического оркестра, так и биг-бэнда, и смог играть и джаз, и классику, и рок, и танцевальную музыку.

— Этот оркестр жив?

— Я иногда его собираю. Недавно в Концертном зале "Россия" был концерт, посвященный Марку Фраддину, и мы аккомпанировали всем нашим звездам. С этим коллективом я только что записал и свой новый компакт-диск "Музыка к неснятому кино". А для постоянной работы нет финансирования. Но я собираюсь этот вопрос решить, потому что оркестр — моя боль, моя любовь, то, чем я хотел бы заниматься и дальше.

— А у вас есть любимое сочинение из собственных, или вы, как многие, скажете: все, как дети, все люблю?

— Любимое есть, но это не песня. Оно ближе к академическому жанру. Это гимн национальной телевизионной премии "ТЭФИ" — четырехчастное произведение на пять с лишним минут для оркестра, мужского хора, капеллы мальчиков и колоратурного сопрано.

— Вы — профи в эстрадном деле. Тем любительнее ваше мнение: каковы плюсы и минусы нашей эстрады на сегодняшний день?

— Во мне, как, по-видимому, и в большинстве сомневающейся интеллигенции, ответ на этот вопрос до конца не сформировался. Наверное, хорошо, что с падением железного занавеса мы пытаемся влиться в музыкальный поток, не в мейнстрим, а просто в стрим, где много разных направлений. Хорошо, что догоняем в технике звукозаписи Запад и учимся — у него же — премудростям высококлассной аранжировки. Но жалко, что практически исчезло такое важное звено в нашей деятельности, как музыкальный редактор. Общение с ним подталкивало к интересным идеям, и, решая, выпустить твою песню в эфир или нет, он тем самым держал планку качества. Сегодня же таким редактором стал доллар. Хотя, если откровенно, не редактор и не доллар определяют популярность, а зритель. Но есть зрители, а есть толпа, которая по поговорке дура. И сегодня, когда уровень культуры, причем во всем мире, упал, моду диктует эта толпа. Не могу не сожалеть и еще об одной тенденции: умирании профес-

сии композитора-песенника. Почти не осталось композиторов, только сочиняющих музыку. Все в основном авторы-исполнители. Николаев, Газманов, даже Крутой поет. Песню все больше связывают с исполнителем. Все знают: "Алло" — это песня Пугачевой, "Погода в доме" — Долиной. А кто за этой песней стоит, никого не интересует...

— Что, кстати, замечательно согласуется со следующим расхожим мнением: успех сегодня зависит от внешности артиста, от постановочных эффектов, но меньше всего от музыки.

— Не согласен. Певца делает песня. С запоминающейся мелодией, "упакованная" в хорошую форму и, что очень важно для нашей страны, с хорошим текстом, пробирающим до нутра. Но раньше было принято называть композитора и автора слов. Теперь — нет. Страна не знает своих героев. Боюсь, сегодня такие титаны прошлых лет, как Фельцман, Пахмутова, Саульский, не раскрутились бы — при том, что таланта каждого хватило бы на нескольких нынешних композиторов. Не могу удержаться и не сказать, что преклоняюсь перед этими мэтрами, считаю их своими учителями и очень за многое им благодарен.

— Сегодня в моде мюзикл, и у вас у самого есть сочинения подобного рода...

— Более того, в 1991 году я создал театр, который назывался "Московский мюзикл", и покойный Григорий Гурвич поставил в нем мою оперу-мюзикл "Джельсомино в стране лжецов". Мы тогда впервые в стране применили микрофоны "Гарнитура", на которые потом перешла вся эстрада, у нас был живой оркестр. К сожалению, у спонсора скоро кончились деньги, и я не смог удержать театр на плаву. Если бы я тогда понимал значение вечного двигателя — рекламы! Была бы настоящая реклама, возможно, театр существовал бы и поныне. А сегодня два моих мюзикла, "Джельсомино" и "Корабль дураков", идут в Санкт-Петербургском государственном театре "Рок-опера". Там сделали, на мой взгляд, замечательные постановки, катают их по России, Европе, Америке, причем везде — практически полные залы.

— А в Москве "Сорок вторая улица" и "Чикаго" не подержались и сезона. Почему, на ваш взгляд?

— Во-первых, это чисто американская классика, материал, нашему зрителю не близкий. Во-вторых, опередить паровоз еще мало кому удавалось. Нужно время, чтобы можно было "есть" мюзикл на завтрак, обед и ужин. Мюзикл — это традиция. В Америке она есть, была и у нас (вспомните фильмы Александрова), но, к сожалению, прервалась. А в-третьих, очень важно в любом деле, чтоб немножко повезло. И если уж попала к тебе в руки птица счастья, то как можно крепче держи ее за хвост.

— Вам удавалось?

— К сожалению, не на длинной дистанции.

**Беседу вел
Ирма НЕКРАСОВА**